ЭРИХ

ФРОММ

Erich Fromm

Величие и ограниченность теории Фрейда

Величие Фрейда состоит в том, что он предложил метод нахождения истины за пределами того, что человек считает истиной.

Эрих Фромм
Величие и ограниченность теории Фрейда

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3523555
Эрих Фромм. Величие и ограниченность теории Фрейда: Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-074925-6, 978-5-271-40098-8

Аннотация

Эрих Фромм – крупнейший мыслитель XX века, один из великой когорты «философов от психологии» и духовный лидер Франкфуртской социологической школы.

Труды Эриха Фромма актуальны всегда, ибо основной темой его исследований было раскрытие человеческой сущности как реализации продуктивного, жизнетворческого начала.

Содержание

Предисловие 4
1. Ограничения научного знания 8
Причина того, почему каждая новая теория неизбежно неточна 8
Корни ошибок Фрейда 14
Проблема научной «истины» 23
Научный метод Фрейда 31
2. Величие и ограниченность открытий Фрейда 41
Открытие бессознательного 42
Эдипов комплекс 49
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Эрих Фромм
Величие и ограниченность теории Фрейда

Предисловие

Чтобы полностью оценить значение психоаналитических открытий Фрейда, нужно начать с понимания принципа, на котором они основаны, и этот принцип нельзя выразить более адекватно, чем словами Евангелия: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Евангелие от Иоанна, 8:32). Действительно, идея о том, что истина спасает и исцеляет, представляет собой старинное прозрение, и хотя никто из великих учителей жизни не сформулировал его с такой ясностью и категоричностью, как Будда, однако эта мысль является общей для иудаизма, христианства, Сократа, Спинозы, Гегеля и Маркса.

Согласно буддистскому учению, иллюзия (неведение) является, вместе с ненавистью и алчностью, одним из зол, от которых человек должен избавиться, если не хочет остаться в состоянии страстного желания, неизбежно ведущего к страданию. Буддизм не отвергает мирских радостей и удовольствий – при условии, что они не проистекают из страстного

желания и алчности. Жадный человек не может быть свободным и не может быть счастлив. Он – раб вещей, которые им управляют. Процесс пробуждения от иллюзий – условие свободы и освобождения от страданий, которые неизбежно порождает алчность. Отказ от иллюзий (Enttäuschung) создает условия для ведения жизни, которая более всего благоприятна для полного развития человека, или, по словам Спинозы, образца человеческой природы. Менее основополагающими и радикальными, поскольку они осквернены идеей бога-идола, являются концепции истины и необходимости в разочаровании в христианской и иудейской традициях. Однако когда эти религии пошли на компромисс с властью, они неизбежно предали истину. В учениях протестантских сект истина снова заняла выдающееся положение, потому что главную свою задачу они видели в раскрытии противоречий между христианским учением и христианской практикой.

Идеи Спинозы во многом напоминают учение Будды. Человек, который подчиняется иррациональным порывам («пассивным аффектам») неизбежно имеет неадекватные идеи о себе и мире – другими словами, живет иллюзиями. Тот, кто руководствуется разумом, перестает поддаваться соблазну чувств и следует двум «активным аффектам»: рассудку и смелости. Маркс следует традиции тех, для кого истина – условие спасения. Вся его работа в первую очередь посвящена не тому, чтобы показать, как выглядело бы хорошее общество, но беспощадной критике иллюзий, которые

не дают человеку построить хорошее общество. По словам Маркса, нужно разрушить иллюзии, чтобы изменить обстоятельства, требующие существования иллюзий.

Фрейд не смог сформулировать то же положение как подходящий эпиграф для терапии, основанной на психоаналитической теории. Он необычайно расширил концепцию истины. Для него истина имела отношение не только к тому, во что человек верит или что думает осознанно, но и к тому, что он подавляет из-за нежелания думать об этом.

Величие открытия Фрейда состоит в том, что он предложил метод нахождения истины за пределами того, что человек считает истиной, и сделать это он смог, открыв эффекты подавления и, соответственно, рационализации. Фрейд эмпирически продемонстрировал, что путь к исцелению лежит в прозрении собственной ментальной структуры и тем самым «деподавлении». Такое приложение принципа, согласно которому истина освобождает и исцеляет, возможно, является величайшим достижением Фрейда, даже несмотря на то, что оно подверглось многочисленным искажениям и часто создавало новые иллюзии.

В этой книге я хочу подробно представить важнейшие открытия Фрейда. В то же время я постараюсь показать, где и каким образом буржуазное мышление, такое типичное для Фрейда, сужало и иногда даже скрывало его открытия. Поскольку моя критика Фрейда обладает собственным развитием, я не смогу избежать отсылок к более ранним утвер-

ждениям, которые я делал на этот счет.

Эрих Фромм

1. Ограничения научного знания

Причина того, почему каждая новая теория неизбежно неточна

Попытка понять теоретическую систему Фрейда, как и любого творчески и систематически мыслящего ученого, не может быть успешной без понимания того факта и его причин, почему любая система, по мере того как она развивается и представляется автором, неизбежно содержит ошибки. Это является следствием не отсутствия изобретательности, творческого подхода или самокритичности у автора, а фундаментального и неизбежного противоречия: с одной стороны, автор имеет сказать нечто новое, нечто, о чем не думали и не говорили раньше. Однако, говоря о новизне, ее помещают всего лишь в описательную категорию, не отдавая должного тому, что является сутью творческой мысли. Творческая мысль всегда мысль критическая, поскольку она разрушает определенную иллюзию и приближает к пониманию реальности. Она расширяет пространство человеческого понимания и увеличивает силу разума. Критическая и тем самым творческая мысль всегда выполняет функцию освобождения благодаря тому, что отрицает мысль, основанную на

иллюзии.

С другой стороны, мыслитель должен выразить свою новую мысль в духе своего времени. Разным обществам свойственны разные виды «здравого смысла», разные категории мышления, разные системы логики; каждое общество имеет собственный «социальный фильтр», сквозь который могут пройти только определенные идеи, концепции и события; те, которые не обязательно должны оставаться в подсознании, могут стать осознанными, когда фундаментальные изменения социальной структуры приводят к соответственному изменению «социального фильтра». Мысли, которые не могут пройти сквозь социальный фильтр определенного общества в определенное время, оказываются «немыслимыми» и, конечно, «непроизносимыми». Для среднего человека мыслительные паттерны общества, в котором он живет, выглядят просто логическими. Мыслительные паттерны фундаментально иных обществ рассматриваются как нелогичные или просто бессмысленные. Однако не только «логика» определяется «социальным фильтром» и в конце концов анализом жизненной практики данного общества, но также содержание определенных мыслей. Возьмем, например, распространенное представление о том, что эксплуатация одного человека другим является «нормальным», естественным и неизбежным явлением. Для члена неолитического общества, в котором каждый мужчина или женщина жили только собственным трудом, такое положение было бы немыс-

лимым. С точки зрения всей социальной организации того общества эксплуатация одного человека другим была бы «безумной» идеей, потому что не существовало еще излишков, которые сделали бы осмысленным найм других людей (если бы один человек принудил другого на себя работать, это не означало бы, что объем продукции увеличился; в таком случае «наниматель» только вынужденно страдал бы от праздности и скуки). Другой пример: многие общества, в которых была известна не частная собственность в современном понимании, а только «функциональная собственность», когда, скажем, инструмент, «принадлежавший» одному человеку, поскольку он им пользовался, с легкостью мог в случае надобности использоваться другими.

Для того, что «немыслимо» и «невыразимо», в языке не существует слов. Многие языки не имеют слова для «иметь» и вынуждены выражать концепцию владения другими выражениями, например, «это для меня», что отражает существование функциональной, а не частной собственности (частной в смысле латинского privare, означающего «лишать» – т. е. собственности, которой лишены все, кроме собственника). Многие языки в начальной форме не имели слова для «иметь», но в процессе развития, как можно предположить, с появлением частной собственности, слово с соответствующим значением приобрели (см., например, [2]). Вот другой пример: в X и XI веках в Европе представление о слове, лишенном выражения почтения к Богу, было немысли-

мым, а потому термин типа «атеизм» существовать не мог. Язык сам по себе испытывает влияние социального запрета некоторых выражений, не соответствующих структуре данного общества; языки различаются в зависимости от того, какие действия запретны и поэтому невыразимы[1].

Отсюда следует, что творческий мыслитель должен мыслить в терминах логики, мыслительных паттернов и выразимых концепций своей культуры. Это означает, что он еще не имеет подходящих слов для выражения творческой, новой, освобождающей идеи. Он вынужден разрешать неразрешимую проблему: выразить новую мысль при помощи концепций и слов, еще не существующих в его языке (они могут с легкостью существовать в более позднее время, когда его творческие открытия будут приняты обществом). Как следствие, новая мысль, сформулированная ученым, оказывается смесью того, что действительно ново, и традиционной мысли, которую она превосходит. Мыслитель, однако, не осознает этого противоречия. Традиционные мысли его культуры, несомненно, остаются для него верны, и поэтому он мало осознает различия между творческим содержанием своей мысли и тем, что чисто традиционно. Только в историческом процессе, когда общественные изменения найдут отражения в мыслительных паттернах, становится очевидным,

---

[1] Я не рассматриваю здесь другую проблему – проблему возможности выразить тонкие и сложные чувства и переживания с помощью языка; такая попытка может быть сделана только в поэзии. – Здесь и далее примеч. автора.

что́ в мысли творческой личности на самом деле ново и до какой степени его система является отражением традиционного мышления. Задачей последователей мыслителя, живущих в другой системе идей, является интерпретация вклада мастера благодаря отделению «оригинальных» мыслей от традиционных и анализ противоречий между старым и новым, а не попытки гармонизировать имманентные противоречия его системы с помощью разнообразных ухищрений.

Процесс ревизии творений мыслителя, отделяющий главное и новое от случайных, заданных временем элементов, сам по себе также является продуктом определенного исторического периода, который влияет на интерпретацию. В таком творческом толковании креативные и валидные элементы в свою очередь смешиваются с зависящими от времени и случайными. Ревизия не является просто истинной, как и оригинал не является просто ошибочным. Некоторые элементы ревизии остаются верны, а именно те, которые освобождают теорию от шор предшествующего традиционного мышления. В процессе критического отвержения предыдущих теорий мы обнаруживаем приближение к истине, но не саму истину; мы и не можем ее найти, пока социальные противоречия и силы не потребуют идеологического удовлетворения, пока рассуждения человека затемнены иррациональными страстями, укорененными в дисгармонии и иррациональности общественной жизни. Только в обществе, где нет эксплуатации и, следовательно, нет нужды в иррациональ-

ных предположениях, направленных на сокрытие или оправдание эксплуатации, в обществе, где базовые противоречия разрешены и где социальная реальность может быть выявлена без искажений, человек может полностью пользоваться рассудком, может понять реальность в неискаженной форме – другими словами, понять истину. Иначе говоря, истина зависит от исторических условий, от степени рациональности и от отсутствия противоречий внутри общества.

Человек способен осознать истину, только когда он способен регулировать свою социальную жизнь гуманным, достойным и рациональным образом, без страха и без алчности. Говоря политико-религиозным языком, только в мессианское время истина может быть познана в той мере, в какой она познаваема.

Корни ошибок Фрейда

Приложение этого принципа к мышлению Фрейда означает, что для понимания Фрейда нужно попытаться выявить, какие из его открытий действительно новы и креативны и в какой степени он был вынужден выражать их в искаженном виде и как, освободив его идеи от этих шор, можно сделать его открытия еще более продуктивными.

Обращаясь к тому, что вообще говорилось об учении Фрейда, задаешься вопросом: что было действительно немыслимо для Фрейда и тем самым оказалось препятствием, дальше которого он не смог пойти?

Пытаясь ответить на этот вопрос, я вижу всего две системы:

Теорию буржуазного материализма, в особенности в той форме, в которой она получила развитие в Германии в трудах Фогта, Молешотта и Бюхнера. В книге «Сила и материя» (1855) Бюхнер утверждал: нет силы без материи и нет материи без силы; эта догма была общепринятой во времена Фрейда. Догма буржуазного материализма в выражении Фрейда была той же, какой придерживались его учителя, в особенности самый значительный из них, фон Брюкке. Фрейд оставался под сильным влиянием учения фон Брюкке и буржуазного материализма в целом и поэтому не мог себе представить, что возможно существование могучих физиче-

ских сил, специфические физиологические корни которых не могут быть продемонстрированы.

Истинная цель Фрейда заключалась в понимании человеческих страстей, которыми раньше занимались философы, драматурги и романисты – но не психологи и невропатологи.

Как же Фрейд разрешил эту проблему? Во времена, когда относительно немного было известно о гормональных влияниях на психику, существовал один феномен, применительно к которому связь между физиологией и психикой была хорошо известна: сексуальность. Если рассматривать сексуальность как корень всех побуждений, то требования теории были удовлетворены, физиологические источники психических сил обнаружены. Позже Юнг отказался от этой концепции и тем самым, на мой взгляд, сделал действительно ценный вклад в учение Фрейда.

Второй комплекс немыслимых вещей заключался в буржуазной и авторитарно-патриархальной установке Фрейда. Общество, в котором женщины были бы действительно равны мужчинам, в котором мужчины не правили бы по причине своего предполагаемого физиологического и психического превосходства, для Фрейда было просто немыслимым. Когда Джон Стюарт Милль, которым Фрейд восхищался, высказывал идею равенства женщин, Фрейд написал в письме: «В этом отношении Милль просто безумен». Слово «безумный» типично для определения немыслимых вещей. Большинство людей называет некоторые идеи безумными, пото-

му что разумность заключена только в границах традиционного мышления. То, что выходит за эти границы, для среднего человека безумно (дело обстоит иначе, впрочем, если писатель или художник добивается успеха. Разве успех не свидетельствует о разумности?) Немыслимость для Фрейда идеи равенства женщин привела его к созданию женской психологии. Мне представляется, что его уверенность в том, что половина человечества биологически, анатомически и умственно стоит ниже другой половины, является единственным положением его учения, не имеющим ни малейшего оправдания, и представляет собой отражение его мужского шовинизма.

Однако буржуазный характер учения Фрейда отражается совсем не только в его чрезвычайной патриархальности. Существует очень немного мыслителей, радикально выходящих за пределы мышления своего класса. Фрейд к ним не принадлежал. Классовые истоки взглядов Фрейда видны практически во всех его теоретических построениях. Да и как могло быть иначе – ведь радикальным мыслителем Фрейд не был. Тут не на что было бы жаловаться, если бы не тот факт, что его ортодоксальные (и неортодоксальные) последователи поощрялись в своем некритичном отношении к обществу. Такая установка Фрейда также объясняет, почему его создание – которое было критической теорией, а именно критикой человеческого сознания, – привело к появлению всего лишь небольшой кучки радикально мыслящих поли-

тиков.

При желании проанализировать наиболее важные концепции Фрейда с точки зрения их классовых истоков[2] пришлось бы написать целую книгу. В пределах данной работы такое, несомненно, сделать невозможно. Однако приведем три примера.

1. Целью терапии Фрейда был контроль над инстинктивными побуждениями путем усиления Эго; инстинктивные побуждения сдерживались Эго и Суперэго. В этом отношении Фрейд близок к средневековой теологической системе мышления, хотя и с существенным отличием: в его системе нет места благодати и материнской любви, кроме как при вскармливании ребенка. Ключевое слово – контроль.

Психологическая концепция соответствует общественной реальности; точно так же, как социально большинство контролируется правящим меньшинством, считается, что психика контролируется авторитетом Эго и Суперэго. Опасность прорыва бессознательного несет с собой опасность социальной революции. Подавление есть репрессивный авторитарный метод защиты внутреннего и внешнего *status quo*. Это ни в коем случае не единственный способ справиться с проблемами социальных изменений. Однако угроза применения силы для подавления «опасности» – единственная

---

[2] Конечно, не все классовые элементы мышления Фрейда неизбежно и исключительно «буржуазного» происхождения. Некоторые из них распространены во всех патриархальных обществах, основанных на частной собственности.

возможность для авторитарной системы, главная цель которой – сохранение *status quo*. С другими моделями личностной и социальной структур можно экспериментировать. Окончательный анализ сводится к вопросу: какой отказ от счастья необходим в обществе для правящего меньшинства, чтобы властвовать над большинством? Ответ лежит в развитии производительных сил общества и, следовательно, в той степени, в которой индивид неизбежно испытывает фрустрацию. Вся структура «Суперэго, Эго, Ид» иерархична, что исключает возможность того, что общество свободных, то есть не эксплуатируемых людей может существовать гармонично без неизбежного контроля зловещими силами.

2. Не нужно и говорить, что гротескное изображение Фрейдом женщин (см. лекция 33 [26]) как в основе своей нарциссических, неспособных к любви и сексуально холодных, – мужская пропаганда. Представительница среднего класса была, как правило, сексуально холодной. Это задавалось собственническим характером буржуазного брака. От женщины как от собственности ожидалось, что в браке она будет «безжизненной». Только представительницам высших классов и куртизанкам разрешалось быть сексуально активными (или по крайней мере притворяться таковыми). Неудивительно, что в процессе завоевания мужчины испытывали вожделение; чрезмерно высокая оценка «сексуального объекта», согласно Фрейду, существовавшая только для мужчин (еще один недостаток женщин!), основывалась, насколько я

могу судить, на удовольствии от преследования и, наконец, завоевания. Как только завоевание оказывалось обеспеченным первым сношением, женщине отводилась функция деторождения и успешного ведения домашнего хозяйства; она переходила из разряда объекта преследования в категорию не-личности[3]. Если бы у Фрейда было много пациенток из высших слоев французской и английской аристократии, его ригидное представление о холодной женщине могло бы измениться.

3. Возможно, самым важным примером буржуазных свойств кажущихся универсальными концепций Фрейда является концепция любви. Фрейд говорит о ней больше, чем его ортодоксальные последователи. Однако что он понимает под любовью?

Очень важно отметить, что Фрейд и его приверженцы обычно говорят об «объектной любви» (в противовес любви нарциссической) и об «объекте любви» (имея в виду того, кого любят). Однако существует ли в действительности такая вещь, как «объект любви»? Не перестает ли возлюбленный быть объектом, то есть чем-то внешним и противостоящим мне? Разве любовь не именно внутренняя активность, объединяющая двух людей, так что они перестают быть объектами (то есть собственностью друг друга)? Взгляд на объект

[3] Все это ясно продемонстрировано собственным браком Фрейда: до свадьбы взволнованные романтические любовные письма, рисующие образ великого любовника, такой типичный для любовных писем XIX века, а потом – явное отсутствие эротического и интеллектуального интереса и привязанности.

любви как на владение, исключая любую форму личностности (см. [38]) – то же самое, что представление торговца о вложении капитала.

Во втором случае вкладывается капитал, в первом – либидо. Только логично встретить в психоаналитической литературе определение любви как «вложения либидо» в объект. Нужна банальность деловой культуры, чтобы низвести любовь к Богу, любовь мужчины и женщины, любовь к человечеству до уровня вложения; энтузиазм Руми, Экхарта, Шекспира, Швейцера показывает мелочность воображения тех людей, классовое сознание которых рассматривает вложения и прибыль как смысл жизни.

Теоретические предпосылки заставляют Фрейда говорить об «объектах любви», поскольку «либидо остается либидо, направлено ли оно на объект или на собственное Эго» [16; 420]. Любовь – это сексуальная энергия, направленная на объект; она всего лишь физиологически вызванный инстинкт, направленный на объект. Это побочный и излишний продукт биологической необходимости, удовлетворение которой требуется для выживания вида. «Любовь» человека по большей части – это тип привязанности, то есть привязанность к лицам, ставшим драгоценными благодаря удовлетворению других жизненных потребностей (в пище и в питье). Другими словами, любовь взрослого человека не отличается от любви ребенка; они оба любят того, кто их насыщает. Это, несомненно, верно для многих; такая любовь – нежная бла-

годарность за насыщение. Хорошо, но сказать, что это и есть суть любви, – мучительно банально (женщинам, как сказано в работе Фрейда [26; 132f], недоступно это высокое достижение, потому что они любят «нарциссически»: в другом они любят себя).

Фрейд утверждает: «Любовь сама по себе, до тех пор пока она остается стремлением и лишением, *понижает* самоуважение, в то время как взаимность и обладание объектом любви снова его *повышает*» ([15]; 99. – Курсив мой. – *Э.Ф.*). Данное утверждение – ключ к пониманию фрейдовской концепции любви. Любовь, предполагающая желание и лишение, понижает самоуважение. Тем, кто утверждает, что любовь приносит восторг и силу, Фрейд отвечает: «Вы все неправы! Любовь делает вас слабыми; вы делаетесь счастливыми, когда вас любят. А что значит „вас любят“? Это – обладание любимым объектом!»

Таково классическое определение буржуазной любви: счастье составляют обладание и контроль, будь это обладание материальной собственностью или женщиной, которая, принадлежа, владеет любовью своего владельца. Любовь начинается в результате кормления ребенка матерью. Она заканчивается, когда мужчина владеет женщиной, которая все еще должна насыщать его своей привязанностью, сексуальным удовлетворением и пищей. Здесь мы, возможно, находим корни Эдипова комплекса. Воздвигая соломенное чучело инцеста, Фрейд прячет то, что считает главной сутью муж-

ской любви: вечную привязанность к матери, которая кормит ребенка и в то же время находится под контролем мужчины. То, что Фрейд говорит между строк, весьма, пожалуй, подходит патриархальному обществу: мужчина остается зависимым, но опровергает это, похваляясь силой и доказывая ее тем, что делает женщину своей собственностью.

Суммируя, можно сказать: главным фактором патриархальной мужской установки является зависимость от женщины и ее отрицание через контроль над женщиной. Фрейд, как это часто делается, трансформировал специфический феномен: превратил патриархальную мужскую любовь в универсальный человеческий принцип.

Проблема научной «истины»

Сегодня стало модным говорить – к этому особенно склонны представители различных ветвей академической психологии, – что теория Фрейда «ненаучна». Такое утверждение, конечно, полностью зависит от того, что каждый ученый называет научным методом. Многие психологи и социологи имеют довольно наивное представление о научном методе. Коротко говоря, ожидается, что сначала человек собирает факты, затем подвергает их различным количественным измерениям – их математическая обработка стала чрезвычайно легкой с появлением компьютеров, – а затем в результате всех этих усилий приходит к теории или по крайней мере к гипотезе. Как и в случае естественных наук, доказательство правильности теории заключается в возможности повторения эксперимента другим исследователем с теми же результатами. Проблемы, которые не поддаются такому типу количественного выражения и статистическому подходу, считаются имеющими ненаучный характер и, таким образом, лежащими вне научной психологии. Согласно такой схеме один, два или три примера, позволяющих наблюдателю сделать определенные заключения, объявляются более или менее бесполезными, если нельзя получить значительного количества примеров, пригодных для проведения статистической процедуры. Главным для этой концепции на-

учного метода является предположение по умолчанию, что факты сами по себе порождают теорию, если использован должный метод, а роль творческого мышления наблюдателя чрезвычайно мала. Что от ученого требуется, так это способность провести кажущийся удовлетворительным эксперимент без предварительного выдвижения теории, которая может быть доказана или опровергнута в ходе эксперимента. Такая концепция науки как простой последовательности отбора фактов, эксперимента и уверенности в результате устарела, и важно отметить, что настоящие ученые – физики, биологи, химики, астрономы – давно отказались от этой примитивной концепции научного метода.

Сегодня творческих личностей от псевдоученых отличает вера в возможности разума, вера в то, что разум и воображение человека могут проникнуть сквозь обманчивую поверхность феномена и выдвинуть гипотезы, касающиеся основополагающих сил, а не поверхностных явлений. Важно отметить, что последнее, чего они ожидают, – это уверенность в окончательной истине. Они знают, что каждая гипотеза будет вытеснена другой, которая не обязательно отрицает первую, но модифицирует и расширяет ее.

Ученый может справиться с неопределенностью именно в силу своей веры в человеческий разум. Для него имеет значение не окончательное заключение, а уменьшение степени иллюзии, более глубокое проникновение к корням. Ученый даже не боится ошибиться, зная, что история науки –

это история ошибочных, но продуктивных утверждений, порождающих новые прорывы, преодолевающих относительную ошибочность прежних воззрений и ведущих к новым открытиям. Если бы ученые были одержимы желанием никогда не ошибаться, они никогда не достигли бы прозрений, которые оказались бы относительно правильными. Конечно, если социолог задает только тривиальные вопросы и не обращается к фундаментальным проблемам, его «научный метод» приносит результаты, достаточные для бесконечной публикации статей, которые он должен написать для продвижения в научной карьере.

Это вовсе не всегда было методом социологов. Достаточно вспомнить таких ученых, как Маркс, Дюркгейм, Мэйо, Макс и Альфред Вебер, Теннис. Они обращались к наиболее фундаментальным проблемам, и данные ими ответы не основывались на наивных позитивистских методах; они не полагались на статистические данные как порождающие теории. Для них сила разума и вера в эту силу были столь же неколебимы и значимы, как и для самых выдающихся ученых естественников. Однако в социальных науках ситуация изменилась. С ростом влияния большой промышленности многие социологи подчиняются обстоятельствам и занимаются только теми проблемами, которые могут быть разрешены без потрясения системы.

Какова же сегодня процедура, создающая научный метод как в естественных, так и в социальных науках?

1. Ученый не начинает работу на пустом месте; скорее его мышление определяется имеющимися у него знаниями и вызовом, который бросают неисследованные области.

2. Условием оптимальной объективности является самое скрупулезное и подробное изучение феномена. Ученого характеризует величайшее уважение к доступным для наблюдения деталям: многие великие открытия были сделаны потому, что ученый обратил внимание на мелкое событие, которое было замечено, но проигнорировано другими.

3. Ученый формулирует гипотезу на основании известных теорий и максимума подробных знаний. Функцией гипотезы является некоторое упорядочение наблюдаемых феноменов и осторожное расположение их так, чтобы это казалось осмысленным. Также очень важно, чтобы исследователь был способен в любой момент заметить новые данные, противоречащие его гипотезе, что ведет к ее пересмотру, – и так далее до бесконечности.

4. Такой научный метод требует, конечно, чтобы ученый был хотя бы относительно свободен от принятия желаемого за действительное и от нарциссического мышления; другими словами, чтобы он был способен наблюдать факты объективно, без искажений или придания им непропорционального веса из-за своего стремления доказать правильность своей гипотезы. Сочетание богатого воображения и объективности достигается редко, и в этом, возможно, причина того, что великие ученые, для которых выполнялись бы оба условия, так

немногочисленны. Высокий интеллект необходим, но сам по себе недостаточен для того, чтобы его обладатель стал творческой личностью. На самом деле полная объективность вообще едва ли может быть достигнута. Как уже говорилось, на ученого всегда оказывает влияние здравый смысл его времени; более того, только чрезвычайно одаренные люди не страдают нарциссизмом. Все же дисциплина научного мышления порождает определенную степень объективности и то, что может быть названо научной совестью, что редко встречается в других сферах культурной жизни. Действительно, тот факт, что великие ученые яснее, чем кто-либо другой, видят опасности, угрожающие сегодня человечеству, и предупреждают о них – это выражение их способности быть объективными и не поддаваться давлению заблуждающегося общественного мнения.

Эти принципы научного метода – объективность, наблюдение, формулирование гипотез и пересмотр их при дальнейшем исследовании фактов, – хотя и являются валидными для всех направлений науки, не могут одинаково прилагаться ко всем объектам научной мысли. Хотя я не компетентен в области физики, существует, несомненно, выраженное различие между наблюдением за живым человеком в целом и наблюдением определенных аспектов личности, выделенных из нее и изучаемых без оглядки на целое. Это не может быть сделано в любой системе без искажения указанных изолированных аспектов, которые хотелось бы изучить,

потому что они находятся в постоянном взаимодействии с каждой частью системы и не могут быть поняты вне целого. Если пытаться изучать один аспект личности в отрыве от целого, необходимо разъять личность – другими словами, разрушить ее целостность. Тогда можно изучать тот или иной изолированный аспект, но все выводы, которые будут сделаны, неизбежно окажутся ошибочными, потому что будут получены на мертвом материале – расчлененном человеке.

Живой человек может быть понят только как целое и живое существо, пребывающее в постоянном состоянии изменений. Поскольку каждый индивид отличается от любого другого, даже возможность обобщений и формулирование законов ограничены, хотя ученый-наблюдатель всегда будет стараться найти какие-то общие принципы и законы, применимые к множеству индивидов.

Есть и еще одна трудность в научном подходе к пониманию человека. Данные, которые мы получаем в отношении человека, отличны от данных, полученных при других научных исследованиях. Нужно понимать человека в его полной субъективности, чтобы понимать его вообще. Слово «а» не является словом, потому что слово – это то, что оно значит для конкретного использующего его человека. Словарное значение слова – всего лишь абстракция по сравнению с реальным значением, которое слово имеет для произносящего его человека. Это, конечно, несущественно для терминов, обозначающих физические объекты, но очень важно

для слов, описывающих эмоциональный или интеллектуальный опыт. Любовное письмо, написанное в начале века, воспринимается нами как сентиментальное, неестественное и в какой-то мере глупое. Любовное письмо нашего современника, который хотел бы высказать те же чувства, для людей, живших пятьдесят лет назад, показалось бы холодным и бесчувственным. Слова «любовь», «вера», «мужество», «ненависть» имеют целиком субъективное значение для каждого индивида, и не было бы преувеличением сказать, что они никогда не имеют одного и того же значения для двух человек, потому что не существует двух одинаковых людей. Они даже могут не иметь того же значения, какое имели десять лет назад, для одного и того же человека благодаря тем изменениям, которые с ним произошли. То же самое верно, конечно, и для сновидения. Два сновидения, имеющие одинаковое содержание, могут иметь совершенно различное значение для двух различных сновидцев.

Одной из важных особенностей научного подхода Фрейда было как раз понимание субъективности человеческих высказываний. На этом знании основывалась попытка не принимать высказывание на веру, но задавать вопросы о том, что данное конкретное слово в данный конкретный момент в данном конкретном контексте значит для данного конкретного человека. Такая субъективность на самом деле очень существенно повышает объективность метода Фрейда. Любой психолог, достаточно наивный, чтобы думать «слово

есть слово есть слово», будет общаться с другим человеком только на очень абстрактном и надуманном уровне. Слово является знаком уникального опыта.

Научный метод Фрейда

Если мы будем понимать научный метод как метод, основанный на вере в возможности разума, оптимально свободного от субъективных предубеждений, детальном наблюдении за фактами, формировании гипотез, пересмотре гипотез при открытии новых фактов и так далее, мы увидим, что Фрейд был настоящим ученым. Он приспособил свой научный метод к необходимости изучать иррациональное, а не только то, что может быть исследовано с помощью позитивистской концепции науки, как делало большинство ученых-социологов. Другим важным аспектом мышления Фрейда является взгляд на свой объект как на систему или структуру; он предложил один из самых ранних примеров системной теории. С его точки зрения ни один единичный элемент личности не мог быть понят без понимания целого, и ни один единичный элемент не мог измениться без изменений, пусть даже незначительных, в других элементах системы. В отличие от взглядов расчленяющей позитивистской психологии и очень сходно с более старыми психологическими системами, например, системой Спинозы, Фрейд рассматривал индивида как целое, которое больше объединения частей.

До сих пор мы говорили о научном методе и о его позитивном значении. Однако простое описание научного метода

ученого не обязательно означает, что он получил правильные результаты. Действительно, история научной мысли – это история имеющих важные последствия ошибок.

Приведем всего один пример научного подхода Фрейда – его отчет о случае Доры. Фрейд лечил эту пациентку от истерии, и после трех месяцев анализ был закончен. Не вдаваясь в детали изложения Фрейда, хочу показать его объективное отношение, приведя выдержки из истории болезни. Третий сеанс пациентка начала следующими словами:

> «– Знаете ли вы, что я здесь сегодня в последний раз?
>
> – Как я могу это знать, раз вы ничего мне об этом не говорили?
>
> – Да, я приняла решение продолжать лечение до Нового года [дело было 31 декабря]. Но я не стану дольше ждать исцеления.
>
> – Вы же знаете, что можете прекратить лечение в любое время. Однако сегодня мы продолжим нашу работу. Когда вы приняли свое решение?
>
> – Две недели назад, мне кажется.
>
> – Это похоже на заявление горничной или гувернантки об увольнении – предупреждение за две недели.
>
> – Была гувернантка, которая предупредила о своем уходе К., когда я гостила у них в Л., на берегу озера.
>
> – В самом деле? Вы никогда мне о ней не говорили. Расскажите» [11; 105].

Затем остаток сеанса Фрейд посвятил анализу того, что

это разыгрывание роли горничной на самом деле означало. Здесь не важно, к каким выводам Фрейд пришел; имеет значение только чистота его научного подхода. Он не рассердился, он не попросил пациентку передумать, не поощрял ее, говоря, что если она останется с ним, ей станет лучше; он только заявлял, что раз она пришла, то даже хотя это один из последних сеансов, им следует использовать время для того, чтобы понять, что означает ее решение.

Однако при всем восхищении верой Фрейда в разум и в научный метод нельзя отрицать, что Фрейд часто оставляет впечатление одержимого рационалиста, который строит теории практически на пустом месте и насильно притягивает объяснения. Он часто создавал конструкции из обрывков данных, что приводило к заключениям, недалеко уходящим от абсурда. Я имею в виду описание Фрейдом истории детского невроза[4]. Как отмечал сам Фрейд, когда он писал этот отчет, он все еще находился под свежим впечатлением того, что он называл «искаженной реинтерпретацией» психоанализа Карлом Густавом Юнгом и Альфредом Адлером. Чтобы объяснить, что я имею в виду, говоря об одержимом мышлении Фрейда, придется довольно подробно рас-

---

[4] Фрейд закончил описание данного случая в ноябре 1914 года, но отложил публикацию на четыре года. Эта работа известна как «Отчет о Человеке с волками» (см. также весьма интересную компиляцию, изданную Мюриэл Гардинер, «Человек с волками о Человеке с волками», куда она включила автобиографию Человека с волками, описание случая Фрейдом и приложение, написанное Рут Мак-Брунсвик).

смотреть этот отчет. Каковы главные факты и проблемы в рассматриваемом случае? В 1910 году к Фрейду обратился за помощью весьма состоятельный молодой русский. Лечение длилось до июля 1914 года, когда Фрейд счел его закончившимся и записал историю болезни. Фрейд сообщает, что пациент «вел сравнительно нормальную жизнь примерно на протяжении десяти лет, предшествовавших его заболеванию, и без особых проблем закончил среднюю школу. Однако ранние годы жизни пациента были омрачены серьезным невротическим нарушением, начавшимся сразу же по достижении им четырехлетнего возраста, – истерией страха в форме фобии животных, впоследствии сменившейся обсессивным неврозом с религиозным содержанием, что продолжалось до десятилетнего возраста» [17; 8–9]. Психиатрический диагноз, поставленный крупными специалистами, гласил: маниакально-депрессивный психоз. Один из психиатров, профессор Освальд Бумке, основывал свое заключение на том факте, что пациент временами испытывал возбуждение, а временами – глубокую депрессию. Поскольку профессор Бумке не потрудился выяснить, не было ли в жизни пациента чего-то, что вызывало бы такие перемены в настроении, то он не обнаружил той простой истины, что молодой человек был влюблен в медицинскую сестру санатория, где он находился; когда она отвечала на его чувства, пациент находился в приподнятом настроении, а когда нет – в подавленном. Фрейд увидел, что перед ним всего лишь очень бо-

гатый, праздный и скучающий молодой человек, и никакого маниакально-депрессивного психоза у него нет. Однако он обнаружил и кое-что еще: пациент страдал от инфантильного невроза. Пациент сообщил, что в возрасте четырех-пяти лет начал испытывать страх перед волками, в основном вызванный тем, что его сестра снова и снова показывала ему книгу с изображениями волка. Каждый раз, когда мальчик видел эту картинку, он начинал кричать, боясь, что волк придет и съест его. Учитывая, что пациент жил в большом поместье в России, не было ничего неестественного в том, что у ребенка развился страх перед волками, усугубляемый угрозами сестры. С другой стороны, мальчик обожал бить лошадей. В этот период у него также проявлялись признаки обсессивного невроза, например, он испытывал одержимость желанием думать «бог – свинья» или «бог – дерьмо». Пациент неожиданно вспомнил, что когда он был еще очень мал (ему еще не исполнилось пяти лет), его сестра, которая была на два года его старше и которая впоследствии совершила самоубийство, соблазнила его на участие в какого-то рода сексуальной игре. Фрейд пришел к заключению, что сексуальная жизнь маленького мальчика, «которая начинала входить в генитальную стадию, застопорилась внешним препятствием и была отброшена назад к прегенитальной стадии» [17; 25].

Однако все эти данные играют сравнительно незначительную роль по сравнению с интерпретацией Фрейдом сновиде-

ния Человека с волками.

«Мне снилось, что стоит ночь, и я лежу в своей постели (моя кровать располагалась ногами к окну, а перед окном росли старые ореховые деревья. Я знаю, что тогда была зима и что мне снился кошмар). Неожиданно окно само собой распахнулось, и я с ужасом увидел, что на большом дереве перед окном сидит несколько белых волков. Их было шесть или семь. Волки были совершенно белые и скорее походили на лис или овчарок: у них были пушистые хвосты, как у лисиц, и они, как овчарки, настораживали уши, когда что-то привлекало их внимание. В ужасном страхе, явно боясь быть съеденным волками, я закричал и проснулся» [17; 29f].

Какова же была интерпретация Фрейдом этого сновидения?

Сновидение показывало, что полуторагодовалый мальчик спал в своей колыбели, проснулся около пяти часов пополудни и увидел «коитус a tergo [сзади], повторенный трижды. Мальчик мог видеть гениталии своей матери и член отца; он понял, и что это за процесс, и каково его значение. Наконец он прервал сношение родителей способом, который впоследствии описывал» [17; 37–38].

Фрейд замечает: «Я теперь достиг точки, в которой должен отказаться от поддержки, которую до сих пор имел при проведении анализа. Боюсь, что это также та точка, в которой читатель откажет мне в доверии» [17; 36]. Вот уж действительно… Создание гипотезы о том, что в действитель-

ности случилось, когда мальчику было полтора года, на основании сновидения, в котором мальчик всего лишь увидел волков, представляется примером одержимого мышления при полном игнорировании реальности. Несомненно, Фрейд использует ассоциации и вплетает их в общую ткань, но эта ткань никак не может претендовать на реальность. Эта интерпретация сновидения Человека с волками – один из классических примеров искусства Фрейда интерпретировать сновидения, в действительности свидетельствует о способности и склонности Фрейда воссоздавать действительность из сотни мелких событий, то ли случившихся предположительно, то ли полученных в результате интерпретации, вырванных из контекста и используемых для определенных выводов, соответствующих предвзятой идее.

Таким образом, многое может быть сказано, даже если Фрейд создает абсурдную интерпретацию; его способность наблюдать и принимать во внимание мельчайшие детали как сновидения, как и ассоциаций пациента восхищает. Ничто, каким бы малым оно ни было, не ускользает от его внимания; все фиксируется с чрезвычайной точностью.

К несчастью, о многих учениках Фрейда этого сказать нельзя. Не обладая необычайной силой мысли Фрейда и его вниманием к деталям, они выбрали более легкий путь и создают интерпретации, также абсурдные, но к тому же являющиеся следствием неких смутных спекуляций, чрезвычайно упрощающих ситуацию.

Фрейд же никогда не упрощал; он усложнял все до такой степени, что, дойдя до середины интерпретации, чувствуешь себя почти в лабиринте. Метод мышления Фрейда заставляет видеть, что феномен значит то, чем кажется, но одновременно он может выражать и свое отрицание. Фрейд обнаружил, что каждое подчеркнутое выражение любви может скрывать подавленную ненависть, что неуверенность может скрываться за высокомерием, страх – за агрессивностью и т. д.

Это было важным открытием, но одновременно и опасным. Предположение, что нечто может означать свою противоположность, требует доказательств, и Фрейд активно эти доказательства искал. Если проявить меньшую осторожность, как делали многие его ученики, очень просто прийти к гипотезе, деструктивной для научного мышления. Чтобы не ограничиваться здравым смыслом и показать, что обладает специальными знаниями, не один психоаналитик рутинно заключал, что мотивация пациента противоположна тому, что он таковой считает.

Одним из лучших примеров является «неосознанная гомосексуальность». Она составляет часть теории Фрейда, от которой пострадало немало людей. Аналитик, чтобы показать, что видит глубже поверхности, может предположить, что пациент страдает неосознанной гомосексуальностью. На основании того, что пациент ведет очень активную гетеросексуальную жизнь, делается вывод, что сама эта активность

помогает подавить неосознанную гомосексуальность. Если же пациент не проявляет совсем никакого интереса к лицам своего пола, это рассматривается как аргумент, говорящий о том, что полное отсутствие гомосексуального интереса является доказательством подавленной неосознанной гомосексуальности, а если мужчина восхищается цветом галстука другого мужчины, то это несомненное доказательство его подавленной гомосексуальности. Беда, конечно, заключается в том, что при использовании такого метода отсутствие гомосексуальности никогда не может быть доказано, и анализ в поисках неосознанной гомосексуальности, никаких свидетельств которой нет, за исключением базовой исходной идеи о том, что каждое явление может быть противоположностью своему явному значению, нередко продолжается годами. Такая привычка приводила к печальным результатам, поскольку допускала значительную степень произвольности при интерпретации, что часто ведет к совершенно ошибочным заключениям. Просматривается явная параллель между вульгарным фрейдизмом и вульгарным марксизмом, культивировавшимся советской теоретической мыслью. Маркс, как и Фрейд, показывает, что нечто может означать полную свою противоположность, но и для Маркса это оставалось тем, что требуется доказать. Вульгарному марксизму, однако, такое положение служило для утверждения: если какое-то явление не является тем, чем провозглашено, то имеет место нечто обратное; таким образом оказывается легко манипулировать

мыслью в собственных догматических целях.

2. Величие и ограниченность открытий Фрейда

Цели приводимого ниже обсуждения – показать:

каковы величайшие открытия Фрейда;

как философские и личные предпосылки вынудили Фрейда сузить и исказить свои открытия;

насколько значимость открытий Фрейда увеличится, если мы освободим формулировки Фрейда от этих искажений;

что такое освобождение эквивалентно различению того, что в теории Фрейда важно и имеет непреходящее значение, от того, что было ограничено временем и социальными условиями.

Такое обсуждение не означает ревизии теории Фрейда или неофрейдизма. Скорее имеет место развитие сути учения Фрейда с помощью критической интерпретации его философской основы, замены буржуазного материализма на исторический подход.

Открытие бессознательного

Несомненно, Фрейд был не первым, кто открыл наличие мыслей и побуждений, которые мы не осознаем, – то есть тех, которые являются бессознательными и живут своей скрытой жизнью в нашей психике. Однако Фрейд был первым, кто сделал это открытие центром своей психологической системы и в подробностях и с поразительными результатами исследовал феномен бессознательного. В первую очередь Фрейд обратил внимание на несоответствие между мышлением и бытием. Мы думаем одно – например, что наше поведение мотивировано любовью, преданностью, чувством долга и т. д., – и не осознаем, что вместо этого нами движет желание власти, мазохизм, зависимость. Открытие Фрейда заключалось в следующем: то, что мы думаем, не обязательно совпадает с тем, чем мы являемся: то, что человек думает о себе, может быть (и обычно является) совершенно отличным или даже полностью противоречащим тому, чем он в действительности является; большинство из нас живет в мире самообмана, и мы принимаем свои мысли за отражение реальности. Историческая значимость фрейдовской концепции бессознательного заключается в развенчании давней традиции считать, что мышление и бытие идентичны, а в более строгих терминах философского идеализма – что только мысль (идея, слово) реальны, в то время как

феноменологический мир реальностью не обладает[5]. Фрейд, отводивший значительному числу осознанных мыслей роль рационализации побуждений, тем самым наносил удар по рационализму, выдающимся представителем которого был сам. Своим открытием разрыва между мышлением и бытием Фрейд не только подрывал западную традицию идеализма в его философской и популярной формах, он также сделал далеко ведущее открытие в области этики. До Фрейда искренность можно было определить как высказывание того, что человек думает. После Фрейда такое определение уже не было достаточным. Различие между тем, что я говорю и что думаю, приобрело новое измерение, а именно, мое неосознаваемое убеждение или мое неосознаваемое побуждение. Если в дофрейдовское время человек считал, что наказал своего ребенка, потому что это помогает его развитию, он был бы совершенно искренен, если бы действительно так думал. После Фрейда главным вопросом стал такой: не является ли его убеждение просто рационализацией его садистских устремлений, то есть не получает ли он удовольствия, поря ребенка, и только как предлог использует идею о том, что порка идет

---

[5] Хочу, между прочим, сказать, что, по-видимому, существует много свидетельств того, что вера в превосходство идеи и мысли над материальной реальностью явилась результатом победы патриархальной системы над матриархальной. Поскольку мужчины неспособны к естественному воспроизводству, т. е. к рождению потомства, как на это способны женщины, они настаивают на том, что тоже способны порождать – разумом, а не чревом. См. мою интерпретацию мифа о творении в «Забытом языке»

ребенку на пользу. Действительно, можно с этической точки зрения предпочитать человека, которому хватает честности признать свой настоящий мотив; такой человек не только был бы более честным, он был бы менее опасным. В истории не существует такой жестокости или порока, которые не получили бы рационализации, как мотивированные добрыми намерениями. Со времен Фрейда фраза: «Я хотел как лучше» – больше не может служить оправданием. Добрые намерения – одна из лучших рационализаций для дурных поступков, и нет ничего легче, чем убедить себя в валидности такой рационализации.

Есть еще и третий результат открытия Фрейда. В такой культуре, как наша, где слова играют огромную роль, вес, который им придается, часто приводит к пренебрежению реальностью, если не искажению события. Если кто-то говорит «я тебя люблю» или «я люблю Бога» или «я люблю свою страну», он произносит слова, которые, несмотря на то, что он полностью убежден в их истинности, могут быть совершенной неправдой и всего лишь рационализацией стремления этого человека к власти, успеху, славе, богатству или выражением его зависимости от собственной группы. В этом может не быть – и обычно и не бывает – никакого элемента любви. Открытие Фрейда еще не нашло такого общего признания, чтобы люди инстинктивно относились критически к уверениям в добрых намерениях или рассказам о примерном поведении; тем не менее то, что теория Фрейда носит

критический характер, как носила и теория Маркса, – это факт. Фрейд не принимал высказывания на веру; он смотрел на них скептически, даже если не сомневался в сознательной искренности говорящего. Однако сознательная искренность значит довольно мало в целостной структуре личности человека.

Великое открытие Фрейда с его фундаментальными философскими и культурными последствиями заключается в том, что между мышлением и бытием существует конфликт. Однако Фрейд ограничил важность своего открытия, предположив: главное, что подавляется, – это детские сексуальные побуждения и что конфликт между мышлением и бытием по сути является конфликтом между мышлением и детской сексуальностью. Это ограничение не удивительно. Как я говорил выше, находясь под влиянием материализма своего времени, Фрейд искал содержание того, что подавляется, в физических и физиологических побуждениях, но также, очевидно, в том, что подавлялось обществом, в котором Фрейд жил, – точнее, средним классом с его викторианской моралью, к которому принадлежал сам Фрейд и большинство его пациентов. Он нашел доказательства того, что патологические феномены – например, истерия, – иногда были выражением подавленных сексуальных побуждений. Что он сделал, так это отождествил социальную структуру своего класса с неотъемлемыми особенностями человеческой природы. Это, несомненно, было для Фрейда слепым

пятном. Для него буржуазное общество было идентично цивилизованному обществу, и хотя он признавал существование различных культур, отличных от буржуазного общества, они оставались для него примитивными, неразвитыми.

Материалистическая философия и общепринятый отказ от осознания сексуальных желаний были той базой, на которой Фрейд строил содержание бессознательного. К тому же он игнорировал тот факт, что очень часто сексуальные импульсы не обязаны своим существованием или интенсивностью физиологическому субстрату сексуальности, а, напротив, часто являются продуктом совершенно других импульсов, которые сами по себе сексуальными не являются. Таким образом, источником сексуальных желаний может быть нарциссизм, садизм, склонность подчиняться, простая скука; известно, что власть и богатство – важные факторы, вызывающие сексуальные желания.

Сегодня, когда после Фрейда сменилось всего два или три поколения, стало очевидным, что в городской культуре сексуальность – не главный объект подавления. Поскольку средний человек предан тому, чтобы быть человеком потребляющим, секс превратился в один из основных предметов потребления (к тому же один из самых дешевых), создавая иллюзию счастья и удовлетворения. Наблюдаемые в человеке конфликты как сознательных, так и бессознательных побуждений весьма различны. Ниже приводится список некоторых из самых распространенных:

Сознательные	Бессознательные
свобода	несвобода
чистая совесть	чувство вины
счастье	депрессия
честность	мошенничество
индивидуализм	внушаемость
сила	чувство бессилия
вера	цинизм, полное отсутствие веры
любовь	безразличие или ненависть
активность	физическая пассивность и лень
реализм	отсутствие реализма

Таковы истинные противоречия современности, которые подавляются и рационализируются.

Они существовали уже во времена Фрейда, но некоторые были не столь радикальны, как сегодня.

Однако Фрейд не обращал на них внимания, потому что был зачарован сексом и его подавлением.

В ортодоксальном фрейдовском психоанализе детская сексуальность все еще остается краеугольным камнем. Таким образом, анализ оказывает сопротивление прикоснове-

нию к самым решающим конфликтам внутри личности и между людьми.

Эдипов комплекс

Другим великим открытием Фрейда является то, что называется Эдиповым комплексом, и утверждение, что неразрешенный Эдипов комплекс лежит в основе любого невроза.

Легко понять, что́ Фрейд имел в виду под Эдиповым комплексом: у маленького мальчика, сексуальные побуждения которого просыпаются в раннем возрасте, в четыре-пять лет, развивается интенсивная сексуальная привязанность и желание в отношении матери. Мальчик желает ее, и отец становится соперником. У сына возникает ненависть к отцу и желание оказаться на его месте, в конце концов убить его. Считая отца соперником, мальчик боится, что отец-соперник его кастрирует. Фрейд назвал эту совокупность Эдиповым комплексом из-за греческого мифа: Эдип женился на своей матери, не подозревая, что любимая женщина – его мать. Когда об инцесте стало известно, Эдип ослепил себя (символ самокастрации) и покинул свой дом и родных в сопровождении одной только своей дочери Антигоны.

Великое открытие Фрейда заключается в показе силы привязанности маленького мальчика к матери или замещающему ее лицу. Степень этой привязанности – желания быть любимым матерью и пользоваться ее заботой, не лишиться ее защиты, и для многих мужчин – не расстаться с матерью, а видеть ее в женщине, которая, будучи его ровесницей,

символизирует для него мать, – нельзя переоценить. Подобная же привязанность существует и для девочек, однако она, по-видимому, имеет несколько иной исход, который не был разъяснен Фрейдом, и который и в самом деле очень трудно понять.

Привязанность мужчины к своей матери, впрочем, понять нетрудно. Она – его мир еще во время внутриутробной жизни. Он полностью является ее частью, питаемой и защищаемой ею, и даже после родов ситуация фундаментально не меняется. Без помощи матери ребенок умер бы, без ее любви стал бы психически неполноценным. Мать – та, кто дарит жизнь и от кого жизнь ребенка зависит. Она также может лишить жизни, отказавшись выполнять свои материнские функции. Символом этих противоречивых качеств матери является индуистская богиня Кали – создательница и разрушительница жизни. Роль отца в первые годы жизни почти столь же незначительна, как и его дополнительная функция зачатия ребенка. Хотя соединение мужского сперматозоида с женской яйцеклеткой – научный факт, житейским фактом является то, что мужчина практически не играет никакой роли в появлении ребенка на свет и в заботе о нем. С психологической точки зрения присутствие мужчины совсем не является необходимым и вполне может быть заменено искусственным оплодотворением. Мужчина может начать снова играть важную роль, когда ребенок достигает возраста четырех-пяти лет, будучи тем, кто учит, кто подает при-

мер, кто отвечает за умственное и моральное воспитание. К несчастью, мужчина часто оказывается примером эксплуатации, иррациональности и неэтичности. Он обычно стремится вылепить сына по своему образу и подобию, чтобы тот стал ему полезен в работе и сделался наследником его собственности, а также восполнил его собственные слабости, достигнув того, чего не смог достичь отец.

Привязанность и зависимость от матери или выполняющего ее функции лица оказываются бо́льшим, чем привязанность к личности. Это – страстное желание вернуться к ситуации, когда ребенок пользовался любовью и защитой матери и еще не нес никакой ответственности. Однако не только ребенок испытывает такое желание. Если мы говорим, что ребенок беспомощен и поэтому нуждается в матери, мы не должны забывать, что каждый человек беспомощен по отношению к миру как к целому. Несомненно, он может защищаться и в определенной мере заботиться о себе, однако учитывая опасности, неуверенность, риски, с которыми человек сталкивается, и то, как мало властен он над физическими болезнями, нищетой, несправедливостью, вопрос о том, менее ли беспомощен взрослый по сравнению с ребенком, остается открытым. У ребенка есть мать, чья любовь защищает его от опасностей. У взрослого человека нет никого. Он может иметь друзей, супруга, некоторую степень социальной защищенности, но даже при этом возможность защитить себя и добиться желаемого очень скромна. Удивительно ли, что че-

ловек сохраняет мечту найти мать или такой мир, в котором он снова мог бы быть ребенком? Противоречие между любовью к райскому детскому существованию и необходимостью, порождаемой его статусом взрослого, может с полным правом рассматриваться как ядро развития невроза.

В чем Фрейд ошибался – и должен был ошибаться в силу своих допущений, – так это в понимании привязанности к матери как исключительно сексуальной. На основании теории детской сексуальности было логично заключить, что маленького мальчика к матери привязывает то, что она – первая в его жизни близкая женщина и представляет собой естественный объект его сексуальных желаний. Эта в значительной мере правда. Существуют многочисленные свидетельства того, что для маленького мальчика мать – объект не только привязанности, но и сексуальных желаний. Однако – и в этом огромная ошибка Фрейда – не сексуальное желание делает связь с матерью такой напряженной и жизненно важной не только в детстве, но, возможно, и всю жизнь человека. Скорее такая глубина чувств основывается на потребности в том райском существовании, о котором я говорил выше.

Фрейд не обратил внимания на тот общеизвестный факт, что сексуальные желания как таковые не отличаются большой стабильностью. Даже самые напряженные сексуальные отношения, если они не сопровождаются привязанностью или сильными эмоциональными связями, самой важной из которых является любовь, долго не живут, и даже шестиме-

сячный срок для них, возможно, слишком велик. Сексуальность per se переменчива, и, может быть, более переменчива у мужчин, непостоянных и стремящихся к приключениям, чем у женщин, для которых ответственность за ребенка придает сексу более серьезное значение. Считать, что мужчины будут привязаны к матери в силу сексуальных уз, имевших место двадцать, тридцать или пятьдесят лет назад, когда к женам после трех лет сексуально удовлетворительного брака они теряют интерес, – просто абсурд. Конечно, для маленького мальчика мать может быть объектом сексуального желания потому, что она – одна из первых близких ему женщин, но так же верно то, что, как отмечает и Фрейд в своих историях болезни, мальчик готов влюбиться в девочку своего возраста и завести с ней страстный роман; мать оказывается относительно забытой.

Нельзя понять любовную жизнь мужчины, не видя, как он колеблется между желанием снова найти мать в другой женщине и стремлением найти женщину, как можно более отличающуюся от материнского типа. Этот конфликт – одна из основных причин разводов. Часто случается, что в начале брака женщина бывает не похожа на мать, но в супружеской жизни, когда она должна заботиться о доме, она делается дисциплинирующей силой, удерживающей мужчину от детского стремления к новым приключениям; тем самым она принимает на себя функцию матери и как таковая становится объектом желания; в то же время мужчина боится и от-

вергает ее. Часто немолодой мужчина влюбляется в юную девушку; среди других причин этого – ее свобода от любых материнских черт, и пока роман длится, у мужчины существует иллюзия освобождения от зависимости от матери. Фрейд, открыв Эдиповы узы, обнаружил одно из самых значительных явлений, а именно, привязанность мужчины к матери и страх потерять ее, однако исказил свое открытие, объяснив его как исключительно сексуальный феномен, и тем самым снизил важность своего открытия, а именно, того, что привязанность к матери является одной из глубочайших эмоциональных связей, заложенных в самой человеческой природе.

Другая сторона Эдипова комплекса, враждебное соперничество с отцом, достигающее кульминации в желании убить его, представляет собой не менее важное наблюдение Фрейда, не имеющее, однако, отношения к привязанности к матери. Фрейд придает универсальное значение черте, характерной только для патриархального общества. В патриархальном обществе сын находится во власти отца; он – его собственность, судьба сына определяется отцом. Чтобы стать наследником отца – добиться, в более широком смысле, успеха, – сын должен не только ублажать отца, он должен быть ему покорен, слушаться и подчинять собственную волю воле отца. Как всегда, угнетение ведет к ненависти, к стремлению освободиться от угнетателя и в конечном счете уничтожить его. Мы видим ясные примеры этого: старый кре-

стьянин правит как диктатор сыном и женой до того момента, когда умирает. Если этот день далек, если сын достигает возраста тридцати, сорока или пятидесяти лет и все еще должен подчиняться власти отца, то действительно во многих случаях он ненавидит его как угнетателя. В современном деловом мире все это в значительной мере смягчено: отец обычно не владеет собственностью, которую мог бы унаследовать сын, поскольку продвижение молодого человека основывается по большей части на его собственных возможностях, и лишь редко, в случае личного владения предприятием, долгожительство отца удерживает сына в подчиненном положении. Однако так стало совсем недавно, и смело можно утверждать, что на протяжении нескольких тысячелетий существования патриархального общества существовал внутренний конфликт отцов и сыновей, основанный на власти отца над сыном и стремлении сына восстать против нее. Фрейд видел этот конфликт, но не понял его природы как черты патриархального общества; вместо этого он интерпретировал его как сексуальное соперничество между отцом и сыном.

Оба наблюдения – несексуального желания защиты и безопасности, райского блаженства, и конфликта между отцом и сыном как неизбежного побочного продукта патриархального общества – были объединены Фрейдом в комплекс, в котором привязанность к матери носила сексуальный характер, а отец тем самым становился соперником, само имя ко-

торого вызывало страх и ненависть. Ненависть к отцу в силу сексуального соперничества из-за матери часто демонстрируется высказываниями маленьких мальчиков: «Когда отец умрет, я женюсь на тебе, мамочка». Такие фразы используются как доказательство убийственных импульсов со стороны мальчика и степени его соперничества с отцом.

Я не верю, что они доказывают что-то подобное. Естественно, бывают моменты, когда маленький мальчик хочет быть таким же большим, как отец, и заменить отца в роли любимца матери. Естественно, что в неопределенном состоянии, в котором живут все дети старше четырех лет, когда они уже не являются младенцами, но с ними еще не обращаются, как со взрослыми, они испытывают желание быть большими; однако фразе «Когда отец умрет, я женюсь на тебе, мамочка», – очень многими придается совершенно незаслуженный вес как свидетельству того, что маленький мальчик действительно желает отцу смерти. Маленький ребенок еще не имеет представления о том, что представляет собой смерть, и на самом деле хочет сказать: «Хочу, чтобы отец ушел, чтобы все внимание матери принадлежало мне». Заключать, будто сын глубоко ненавидит отца и даже желает ему смерти, означает пренебрегать миром воображения ребенка и не видеть различия между ним и взрослым.

Рассмотрим миф об Эдипе, в котором Фрейд видел подтверждение своим построениям о трагических кровосмесительных желаниях маленького мальчика и его соперничестве

с отцом (см. [32], гл. 7). Фрейд рассматривал только первую часть трилогии Софокла, «Эдип царь»; в ней говорится о том, что оракул предсказал Лаю, царю Фив, и его жене Иокасте, что если у них родится сын, этот сын убьет отца и женится на матери. Когда у них родился сын Эдип, Иокаста решила избежать судьбы, предсказанной оракулом, убив ребенка. Она передала мальчика пастуху, велев оставить того в лесу связанным, чтобы он умер. Однако пастух, пожалев младенца, отдал ребенка слуге царя Коринфа, который отнес его своему господину. Царь Коринфа усыновил мальчика, и тот вырос, не зная, что он не родной сын царю. Дельфийский оракул предрек Эдипу, что его судьба – убить отца и жениться на собственной матери. Эдип решил избегнуть этой судьбы, не возвращаясь к родителям. Покинув Дельфы, он вступил в ссору со стариком, едущим на колеснице, вспылил и убил старика и его слугу, не зная, что убил собственного отца, царя Фив.

В своих скитаниях Эдип пришел к Фивам, где Сфинкс пожирала жителей города; положить этому конец можно было только, отгадав загадку Сфинкс. Загадка была такова: «Кто сначала ходит на четырех, потом на двух, и наконец на трех?» Горожане Фив пообещали, что тот, кто отгадает загадку и тем самым спасет город от напасти, станет царем и женится на вдове предыдущего правителя. Эдип нашел ответ: *человек*; как ребенок, он ходит на четвереньках, как взрослый – на двух ногах, как старик – на трех, опираясь на

палку. Сфинкс бросилась в пропасть, Фивы были избавлены от чудовища, а Эдип стал царем и женился на Иокасте, своей матери.

После того как Эдип счастливо процарствовал несколько лет, на Фивы обрушилась эпидемия, унесшая много жизней. Прорицатель Тересий открыл, что эпидемия – наказание за двойное преступление, совершенное Эдипом, – отцеубийство и кровосмешение. Эдип, сначала отчаянно старавшийся не признавать истины, ослепил себя, когда оказался вынужден ее увидеть, а Иокаста покончила с собой. Трагедия кончается на том, что Эдип наказан за преступление, которое он совершил в неведении, пытаясь избежать его совершения.

Были ли у Фрейда основания заключить, что этот миф подтверждает его взгляд, согласно которому неосознанные кровосмесительные побуждения и вызванная ими ненависть к отцу-сопернику присущи каждому ребенку мужского пола? Действительно, представляется, что миф подтверждает теорию Фрейда и что Эдипов комплекс заслуженно носит свое имя.

Впрочем, если рассмотреть миф более внимательно, возникают вопросы, подвергающие справедливость такого взгляда сомнению. Наиболее важный момент таков: если интерпретация Фрейда верна, следовало бы ожидать такого развития событий: Эдип встретил Иокасту, не зная, что она его мать, влюбился в нее, а затем убил отца, опять же не

зная, что это – его отец. Однако нет никаких указаний на то, что Эдип был увлечен или полюбил Иокасту. Единственная причина брака Эдипа и Иокасты, которая нам сообщается, заключается в том, что вдова-царица является как бы приложением к трону. Можно ли поверить в историю, где главной темой служат кровосмесительные отношения между матерью и сыном, но совершенно не упоминается возникшее между ними влечение? Этому вопросу тем больший вес придает тот факт, выяснившийся относительно недавно, что по более ранней версии – Николая Дамасского – оракул лишь однажды предрекает женитьбу Эдипа на собственной матери (см. [43]).

Основываясь на этом, мы можем сформулировать гипотезу: миф может быть понят не как символ кровосмесительной любви между матерью и сыном, а как символ восстания сына против авторитета отца в патриархальной семье, а брак Эдипа и Иокасты является всего лишь вторичным элементом, лишь символом победы сына, который занимает место отца со всеми его привилегиями.

Если думать только об «Эдипе царе», то эта гипотеза остается в лучшем случае гипотезой, но ее валидность может быть доказана при рассмотрении всего мифа об Эдипе, особенно в той форме, которая представлена в других частях трилогии Софокла – «Эдип в Колоне» и «Антигона»[6]. Такое

---

[6] Хотя верно, что трилогия была написана не в таком порядке и хотя некоторые ученые могут быть правы, считая, что Софокл не планировал эти три траге-

рассмотрение ведет к совсем иному пониманию материала, в центре которого оказывается борьба между патриархальной и матриархальной культурами.

В «Эдипе в Колоне» Эдипа, изгнанного Креонтом, сопровождают дочери Антигона и Исмена, в то время как сыновья Этеокл и Полиник отказываются помогать слепому отцу, за трон которого они вступают в борьбу между собой. Выигрывает Этеокл, но Полиник отказывается признать его победу и пытается завоевать город с посторонней помощью, чтобы отобрать власть у брата.

Таким образом, мы видим, что одна тема трилогии – ненависть между отцом и сыном в патриархальном обществе, но если рассматривать трилогию в целом, то обнаруживается, что Софокл говорит о конфликте между патриархальным и более ранним матриархальным мирами. В патриархальном мире сыновья борются с отцами и между собой, а победителем оказывается Креонт, прототип фашистского правителя. Эдипа, однако, сопровождают не сыновья, а дочери. Именно на них он полагается, в то время как его отношения с сыновьями характеризует взаимная ненависть. Исторически существовавший в Греции оригинальный миф об Эдипе, на основании которого Софокл создал свою трилогию, дает нам важный ключ. В нем фигура Эдипа всегда связана с куль-

---

дии как трилогию, их тем не менее нужно рассматривать как целое. Нелогично предполагать, что Софокл описал судьбу Эдипа и его детей, не учитывая внутренней связности целого (все цитаты взяты из издания: Софокл. Трагедии. М., 1958. Пер. С.В. Травинского. – Курсив Э.Ф.).

том хтонических богинь, представительниц религии матриархата. Почти во всех версиях мифа, начиная с того момента, когда Эдип появляется как ребенок, и до событий, связанных с его смертью, могут быть найдены следы этой связи (см. [45; 192]). Так, например, Этеон, единственный беотийский город, в котором существовал храм Эдипа и где сам миф, возможно, и зародился, имел также храм Деметры (см. [43; 1ff]). В Колоне (недалеко от Афин), где Эдип нашел последнее пристанище, существовали храмы Деметры и Эриний, возникшие, возможно, раньше мифа об Эдипе [43; 21]. Как мы увидим, Софокл в «Эдипе в Колоне» подчеркивал связь между Эдипом и хтоническими богинями. Возвращение Эдипа в рощу богинь, хотя и является самым важным ключом, не служит единственным доводом в пользу понимания позиции Эдипа как представителя матриархальных порядков. У Софокла имеется еще одна очень ясная аллюзия: Эдип, говоря о своих дочерях, ссылается на египетский матриархат[7]

[7] Возможно, Софокл здесь ссылается на «Историю» Геродота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.